

ся, могу заплатить. Я, мой друг, здорова, только так слаба, что насилу таскаюсь. Люблю тебя по-прежнему, то есть истинный твой друг

Екатерина Протасова

<А. А. Протасова:>

Je me rappelle un souvenir de mon Papa, et le prie de ne pas m'oublier entierement, car quoique je ne lui ecrie pas, je l'aime de tout mon coeur,³ итак, любезный друг, прошу хотя немного помнить свою дочь

Александрю

<М. А. Протасова:>

Добрый мой Жуковский, я тебя, право, очень люблю. Маминька и мы все теперь, слава богу, здоровы. Будь покоен.

¹ Письмо, возможно, было отправлено вместе с личным письмом к Жуковскому Е. А. Протасовой. Она возобновила прежний тон их переписки, поскольку сватовство Жуковского она намеревалась сохранить в тайне от всей семьи.

² А. А. Прокопович-Антонский. О каком векселе идет речь, неизвестно.

³ Я вспоминаю своего папку и прошу его не забывать меня совсем, потому что, хотя я ему и не пишу, я люблю его всем сердцем (*фр.*).

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-3-153-159

© Н. А. Тархова

ПРОМЫШЛЕННАЯ КОМПАНИЯ КАСТЕЛЛО В ТИФЛИСЕ (К ИСТОРИИ ПРОЕКТА РОССИЙСКОЙ ЗАКАВКАЗСКОЙ КОМПАНИИ А. С. ГРИБОЕДОВА И П. Д. ЗАВЕЛЕЙСКОГО)

В долгой, более чем вековой, и довольно путаной истории освоения литературоведческой наукой «Проекта Российской Закавказской компании» А. С. Грибоедова и П. Д. Завелейского (далее — Проект РЗК): обнаружение и публикация в конце XIX века сохранившихся частей его текста, долгая и временами легендарная интерпретация этих текстов в первой половине XX века, реконструкция утраченных частей по архивным документам, установление смысловых совпадений с экономическими проектами первой половины XIX века, восприятие современниками и потомками, причины неосуществления — наименее проясненной остается история возникновения этого замысла и его текста.

В комментариях к Проекту РЗК в академическом Полном собрании сочинений писателя сведения о возможных его источниках и связях с другими экономическими проектами занимают весьма небольшое место. А единственная статья, посвященная собственно экономическим интересам писателя, сообщает об истории Проекта РЗК только самые общие и, в свете сегодняшних знаний, не всегда достоверные сведения.¹

Тем не менее история возникновения грибоедовского проекта создания в Закавказских областях промышленной компании, имеющей целью преобразование хозяйства целого края, может быть отчасти прослежена на фоне тех весьма немногих экономических событий 1820-х годов, когда руководство Грузией, генералы А. П. Ермолов и сменивший его И. Ф. Паскевич, пыталось предпринимать усилия по налаживанию ее хозяйственной жизни.

¹ Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб., 2006. Т. 3. Письма. Документы. Служебные бумаги. С. 325–346, 561–575; Кальма Н. Коммерческие замыслы Грибоедова // Лит. наследство. 1935. Т. 19–21. С. 143–176 (автор статьи — Анна Иосифовна Кальманюк (1908–1988)).

Повод обратиться к собственно грузинским экономическим событиям дает «Записка об учреждении Российской Закавказской компании», одна из сохранившихся частей Проекта РЗК, обращенная к Паскевичу и отправленная ему Грибоедовым 7 сентября 1828 года, накануне его отъезда в Персию в качестве полномочного российского министра. Упоминание в ее тексте о том, что осенью 1827 года (скорее всего, в месяцы, когда закончились военные действия и происходили мирные переговоры с Персией) Грибоедов и Паскевич беседовали о перспективах хозяйственного развития Грузии, а также глухой намек на то, что будущие авторы Проекта ненароком встретились в Петербурге весной 1828 года и уже там начинали обсуждать планы будущей компании,² заставляют внимательнее взглянуть в события современной писателю тифлисской жизни.

Именно там до ноября 1828 года осуществлял свою коммерческую деятельность французский негодант Кастелло.³ Документы, посвященные созданию и деятельности его компании, сохранились в архиве канцелярии главноуправляющего Грузией и опубликованы в «Актах, собранных Кавказскою археографическою комиссиею».⁴ Обнаружились и сведения, правда вполне лаконичные, о знакомстве Грибоедова с этим человеком.

Итальянец Кастелло, подданный Франции, приехал в Россию, по-видимому, в 1822 году, привлеченный теми переменами, которые наметились в хозяйственной жизни Грузии после появления императорского указа от 8 октября 1821 года. По этому указу жители провинции получали определенные права на самостоятельную экономическую деятельность: право торговли (гильдейства), право приобретения недвижимости — зданий и земли, льготы в таможенных пошлинах, право на карантинную охрану товаров; кроме того, указ санкционировал создание пристаней на Черном море, что должно было способствовать развитию торговли. Правила распространялись на всех российских и на иностранных граждан, но для иностранцев могли действовать только в пределах Грузии и Закавказья. Французский консул Гамба первым из иностранцев воспользовался этими правами и приобрел земли, на которых устроил пока единственное в этих местах предприятие — лесопильную мельницу, которая, однако, развития не получила и у местных жителей не пользовалась популярностью, а на приобретенных землях он предпринимательством так и не занялся. Нужно отметить, что местные жители довольно активно воспользовались правом на торговлю, но не спешили приобретать землю и устраивать на ней какие-либо производства. Инициатива главноуправляющего Грузией генерала А. П. Ермолова, который в переписке с министром финансов Е. Ф. Канкриным обсуждал заведение в Грузии казенных или частных стекольного и кирпичного заводов, устройство винокуренного завода, возможность переселения в Грузию греков-ремесленников (виноградарей, шубников, красителей, лавочников), развития в первой половине 1820-х годов не получила. Однако Грибоедов, возвратившийся осенью 1821 года из Персии в Тифлис, участвовал в деловой переписке генерала и в переводе многих документов на французский язык, и, несомненно, представление об экономической ситуации в Грузии у него составилось.⁵

Из письма Грибоедова В. К. Кюхельбекеру от осени 1822 года известно, что в летние и осенние месяцы он, как представитель канцелярии Ермолова, не раз совершал поездки в разные области Грузии, сопровождая иностранных путешественников.⁶ С некоторой долей вероятности можно предположить, что участником одной из них был и Кастелло, который провел несколько летних месяцев в Грузии, собирая сведе-

² Грибоедов А. С., <Завелейский П. Д.>. Записка об учреждении Российской Закавказской компании // Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 325–347.

³ Имя французского негоданта и тифлисского фабриканта встречается в литературе в двух написаниях: Кастелло и Кастелло, причем совершенно произвольно; но так как Грибоедов называл его Кастелло, этим именем он назван в данной статье.

⁴ Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Архив главного управления Наместника Кавказа / Изд. под ред. А. Д. Берже. Тифлис, 1874–1875. Т. 6. Ч. 1, 2; 1878. Т. 7.

⁵ Там же. Т. 6. С. 256–258, 261–263.

⁶ Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 57.

ния о ее природе и хозяйственно-промышленных возможностях. Вполне возможно, что в ходе поездки мог состояться некоторый обмен мнениями с Грибоедовым по поводу его хозяйственных планов (во всяком случае, об императорском указе 1821 года Кастелло знал, когда покинул Грузию). Более того, по предположению Н. Кальма, в это же время находился в Тифлисе Теодор Этье, хороший приятель Грибоедова еще по службе в Табризе, француз, покинувший Персию и направлявшийся в Россию с целью заняться там коммерцией. Если эти два соотечественника столкнулись в Грузии летом 1822 года, они вряд ли могли друг друга не заметить и не общаться там.

Это предположение, к сожалению, ничем не может быть подкреплено. Однако вот что интересно. В феврале 1823 года и Грибоедов, и Кастелло покинули Тифлис (Этье, по-видимому, уехал оттуда несколько раньше), и оба, один в Москве, а другой в Петербурге, обратились к коммерческим планам.

Грибоедов, как об этом подробно рассказала в своей статье Кальма, в Москве обсуждал с А. В. Всеволожским и Т. Этье планы создания торговой компании, которая могла бы осуществлять обмен товарами между Россией и Персией и быть посредником в торговле и с европейскими странами; он собирался даже ехать со Всеволожским на Нижегородскую ярмарку в августе 1823 года, чтобы составить представление о торговой конъюнктуре.⁷

Но интенсивная работа над комедией «Горе от ума» в 1823–1824 годах и общая литературная направленность его интересов в то время этим планам помешали.

А Кастелло весной 1823 года подал министру финансов Канкрину прошение о своем поселении в Грузии, об открытии торговли через Грузию между Россией и Персией, о создании фабричной промышленности — суконной фабрики и шелкомотальных и крутильных мельниц, о разведении тибетских коз и об исключительных привилегиях в этом деле на 10 лет. Причем в прошении этом удивляет первая часть — об открытии четырех торговых контор (в Баку, Моздоке, Редут-Кале и центральной в Тифлисе), где очень подробно и толково описано, как они будут взаимодействовать на российской территории, осуществляя торговый обмен между ее областями, и в торговле с приграничными государствами. Трудно представить, что иностранец, недавно приехавший в Россию, не зная языка, не знакомый с географией и хозяйством страны, мог без постороннего участия столь квалифицированно изложить подобный проект.⁸ Но судя по всему, у него были очень сведущие консультанты.

Одним из них мог быть, как вспоминал В. П. Бурнашев, его отец, П. А. Бурнашев, в середине 1820-х годов начальник мануфактурного отделения Департамента мануфактур и внутренней торговли, который много общался тогда с негоциантом (мемуарист называет его Кастелла); принимал его у себя дома, посвящая вечера обсуждению планов по «введению правильного шелководства в Грузии, разведению тутовых плантаций, правильного за ними ухода, созданию им шелкомотальных и других необходимых для того предприятий». Как вспоминал мемуарист, «проектировщик этот оставил Петербург и уехал на Кавказ, снабженный из департамента официальными отношениями, за подписью министра <Канкрин>, к главнокомандовавшему тогда на Кавказе генералу Ермолову». Перед отъездом из Петербурга Кастелло обедал у П. А. Бурнашева и «с восторженностью провансальца <...> говорил о своем предприятии и хотел, совместно с шелководством, развести множество других полезных отраслей народной промышленности на Кавказе» и сделать из Грузии «земной рай Русской империи».⁹

Кастелло вернулся в Грузию летом 1825 года. А до этого времени он многое успел: получил разрешение поселиться в Тифлисе и создать там шелкомотальную фабрику, съездил во Францию, заключил там на 9 лет договор с мастерами шелкового дела, принял их в компаньоны и привез в Тифлис, заказал и отправил морем из Марселя машины и инструменты, необходимые для работы фабрики, получил документы на земли

⁷ Кальма Н. Коммерческие замыслы Грибоедова. С. 154–163.

⁸ Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. 6. Ч. 1. С. 264–273.

⁹ Бурнашев В. П. Воспоминания петербургского старожила: В 2 т. / Сост., автор предисловия, комм. и аннотированного указ. имен А. И. Рейтблат. М., 2022. Т. 1. С. 393–394.

для строительства фабрики и обещание выделить в будущем большие участки земель в Грузии и Имеретии для занятия шелководством.¹⁰

В Тифлисе он приступил к созданию шелкомотальной фабрики, которая к ноябрю 1825 года уже дала продукцию, и Ермолов 15 ноября сообщил министру Канкрину, что предприятие Кастелло действует и произведенный на его фабрике шелк хорошего качества. Это сообщение стимулировало действия министра, и он 31 декабря 1825 года сообщил в Грузию, что начал хлопотать о предоставлении Кастелло просимых привилегий, и предписал направить в столицу необходимые для этой процедуры рабочие чертежи, планы и сметы, а также уплатить 1500 руб. законной пошлины.¹¹

В декабре того же 1825 года новый фабрикант подал Ермолову проект усовершенствования и расширения производства шелка в Закавказских провинциях, в том числе и о разведении шелковичных (тутовых) плантаций на территории самой Грузии, предлагая для этой цели переселить туда на казенные земли российских закавказских крестьян; и вновь испрашивал привилегий для осуществления этих работ.¹² А сам тем временем опять собрался в Петербург.

Судя по всему, Кастелло был очень активным и инициативным предпринимателем. По пути в столицу он вместе со своим компаньоном Дидло побывал в Москве в Императорском обществе сельского хозяйства, куда прежде отправил из Тифлиса записку «О состоянии шелководства в Закавказских провинциях и о способах его улучшения», а в январе 1826 года сам привез образцы всех туземных закавказских шелков и шелка, размотанного им по итальянскому методу; и тот был признан лучшим. Образцы его, скрепленные печатью Ермолова, хранились в Обществе, которое ходатайствовало о получении им разрешения для учреждения Закавказской компании шелководства.¹³ Заручившись такой солидной поддержкой, Кастелло поехал в Петербург хлопотать о продвижении своих новых планов.

Когда Грибоедов в сентябре 1826 года возвратился в Тифлис после долгого (три с половиной года) отсутствия, он встретил здесь преуспевающего предпринимателя, хозяина шелкомотальной действующей фабрики, готовящегося расширить свое предприятие; получившего привилегии на развитие производства и применение итальянского метода размотки шелка, данные Кабинетом министров на 10 лет (а также запрещение местным жителям использовать те же машины и те же методы).¹⁴ Ничего подобного до отъезда Грибоедова зимой 1823 года в Грузии не существовало.

Более того, возникли изменения в деловом климате края: к 1827 году наметилось некоторое оживление его хозяйственной жизни, возможно связанное со сменой руководства в Грузии. Иностранец Лену в марте и июне того года представил Записки о возможности изготовления в Грузии шипучих вин и поставки их в Россию. Идея получила одобрение Паскевича, сменившего в конце марта Ермолова на посту главнокомандующего. Возникли планы строительства стеклянного завода для производства тары (не осуществившись), привлечения в Грузию бочаров, организации бочарного производства и поисков соответствующих сортов дерева, чтобы начать изготовление бочек для вина, возникли планы о закупке в Америке семян хлопчатника. Тифлисский военный губернатор Н. М. Сипягин сообщал в Петербург министру Канкрину об учреждении специ-

¹⁰ Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. 6. Ч. 2. С. 616; Т. 7. С. 170; *Бурнашев В. П.* Воспоминания петербургского старожилы. Т. 1. С. 398–399.

¹¹ Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. 6. Ч. 2. С. 255–256.

¹² Там же. Ч. 1. С. 271–272. Ермолов в 1826 году в письме министру Канкрину поддержал план Кастелло по развитию шелкомотального производства в Закавказье, но воспротивился разведению шелкопряда в центральной Грузии, мотивируя тем, что в Грузии нет для того свободных земель, и считая ее климат неподходящим для этой цели, а также не одобрил он и переселения крестьян из России.

¹³ Историческое обозрение действий и трудов Императорского московского общества сельского хозяйства со времени его основания до 1846 г. М., 1846. С. 60, 61.

¹⁴ Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. 6. Ч. 1. С. 271–272. Пункт о запрете для местных жителей использовать методы работы, применяемые в компании, нашел свое место и в Проекте РЗК Грибоедова.

ального Комитета, в обязанности которому «вменено изыскать всевозможные средства к улучшению хозяйственных заведений». Весной 1828 года Сипягин обсуждал с подчиненными состояние и количество деревьев в шелковичных садах Шекинской провинции (больше 2 млн), а также судьбу казенных фруктовых садов, с которых казна не получает никакого дохода. Обсуждая предложения по приведению этой отрасли в надлежащий вид, генерал ссылался на какое-то письмо Кастелло с предложениями об организации сельскохозяйственных ферм. При этом он же в записке о правилах торговли с Персией указывал на шелкомотальную фабрику Кастелло как «на единственное пока промышленное предприятие в Грузии, успешно и с прибылью работающее».¹⁵

И действительно, предприятие Кастелло на протяжении осенних и зимних месяцев 1826–1827 годов обрело все большую устойчивость. Он в феврале 1827 года, вслед за привилегиями на 10 лет, полученными в сентябре 1826-го, получил ссуду от правительства в 80 000 руб. «на построение новых фабричных зданий» для расширяющегося производства, приобретение нужных машин и оборудования, а также разрешение закупать тутовые коконы для размотки по государственной (т. е. низкой) цене. Кроме того, у Кастелло в Петербурге появились компаньоны, которые обязались внести в дело капитал более 600 000 рублей, а также дать для работы на фабриках своих крепостных, мужчин и женщин; и к концу 1827 года на фабрике работало уже 18 человек крепостных кн. Голицына.¹⁶

Проблему рабочей силы фабрикант думал решить и другим способом: в сентябре 1827 года Паскевич (из действующей армии!) писал Канкрину об инициативе Кастелло принимать в работу на своей шелкомотальной фабрике осужденных преступниц, и министр финансов эту инициативу одобрил, как и строительство специального для этих целей женского рабочего дома на 200 мест, с перспективой построить такие же дома в тех местах, где Кастелло еще только планировал заводить свои фабрики. Этот проект Канкрин представил императору и получил одобрение; более того, император поручил составить специальный устав подобного рабочего дома, что и было исполнено.¹⁷

Трудно предположить, что столь активная деятельность (в сфере интересов, Грибоедову не совсем чуждых, вспомним экономические планы 1823 года) прошла мимо его внимания. Ведь он был сотрудником канцелярии главноуправляющего и одним из близких людей и к генералу Ермолову, пока он оставался на этом посту (до конца марта 1827 года), и к Паскевичу, рядом с которым провел весь военный 1827 год, помогая ему в ведении письменных дел всякого рода. А Паскевич, даже находясь в армии, получал из Тифлиса все документы, касающиеся жизни города.

В этой связи отметим, что грибоедовская «Записка о лучших способах вновь построить город Тифлис» была написана им при осаде крепости Аббас-Абад, когда ядра от персидских выстрелов залетали в русский лагерь. А Паскевич тогда, получив из Тифлиса от генерала Ховена некие документы, касающиеся благоустройства города, направил в Грузию составленное с помощью Грибоедова «Предписание» на эту тему. Поскольку Грибоедов получал всю переписку Паскевича, он, и находясь в армии, всегда был в курсе тифлисских событий.

Более того, переписка самого Грибоедова свидетельствует, что с семейством Кастелло он успел хорошо познакомиться до отъезда на войну в мае 1827 года. Так, в письме П. Н. Ахвердовой из Аббас-Абада от 3 июля 1827 года он передает «свой поклон» госпоже Кастелло наряду с семейством Чавчавадзе, что предполагает не только достаточно близкое знакомство, но и некие отношения семьи негоцианта с домами Ахвердовой и Чавчавадзе. Да и невозможно представить, чтобы в таком небольшом городе, каким был Тифлис в начале XIX века, два столь заметных человека, как Грибоедов и Кастелло, остались друг другу неизвестны.¹⁸

¹⁵ Там же. Т. 7. С. 162, 156, 159, 127. Военный губернатор Тифлиса занимался хозяйственными делами Грузии, видимо, по поручению Паскевича, который сразу после окончания войны с Персией и подписания мира должен был руководить военными действиями в начавшейся войне с Турцией.

¹⁶ Там же. С. 161–170.

¹⁷ Там же. С. 3–5, 7, 10.

¹⁸ Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 307, 541–542; 130.

Еще сложнее предположить, что смелые и экстравагантные производственные проекты Кастелло, которые становились известны Паскевичу и во время войны (с середины мая до конца ноября 1827 года), никак Грибоедова не заинтересовали. И если во время военных действий передышки, как под Аббас-Абадом, случались крайне редко, то месяцы мирных переговоров с персиянами (ноябрь 1827-го — январь 1828 года) вполне давали возможность обсудить и получаемые из Тифлиса известия о событиях на фабрике Кастелло, и его сиюминутные планы и дальние проекты.

И когда Грибоедов весной 1828 года во время своего пребывания в Петербурге, куда он выехал вестником победы в войне с Персией после подписания мирного трактата в Деххваркане (Дей-Каргане), обращался мыслью к возможной в будущем экономической деятельности в Грузии (а как уже было отмечено, «Записка об учреждении Российской Закавказской компании» о том свидетельствует), то предприятие Кастелло в это время представляло собой единственный пример несомненно успешного начинания в этом роде, находившийся в поле его зрения. Работавшая и приносящая доход фабрика, дарованные правительством привилегии на 10 лет, выделенная земля в городе для расширения производства, правительственная ссуда с небольшими процентами, обещание в будущем выделить 2000 десятин земли для организации шелководческих плантаций в областях, где шелководство — традиционная отрасль хозяйства, возможные большие денежные взносы компаньонов, решение проблемы рабочей силы, — все это, несомненно, могло служить привлекательным примером для попыток других предпринимателей заняться хозяйственной деятельностью в Грузии.

Все эти обстоятельства были хорошо известны будущим компаньонам Проекта РЗК (ведь Завелейский был гражданским губернатором в Тифлисе, ему по должности полагалось знать о таких вещах) и, конечно же, обсуждались ими в предварительных беседах о Проекте весной в Петербурге, а позднее нашли отражение в его тексте.

Судя по тому, как быстро, в несколько дней июля 1828 года, был написан Проект РЗК по возвращении Грибоедова в Тифлис, как продуманно был составлен, писатель думал о нем немало. И опыт первого «тифлисского фабриканта» был учтен им в полной мере. Так, адресованная Паскевичу «Записка об учреждении...» Компании не просто сопровождала, но и подготавливала к восприятию текста Проекта РЗК, она дополняла и разъясняла некоторые его положения, и текст ее свидетельствовал, что опыт Кастелло учтен: например, о привилегиях, об отводе земель в разных частях Грузии для нужд Компании, о позволении поселять на земли Компании переселенцев из других областей страны, о принятии Компанией в аренду казенных садов на долгий срок, которые в разных проектах и прошениях Кастелло тоже были обозначены.

А что касается Кастелло, именно он, едва ли не единственный в тифлисском окружении Грибоедова, понял, насколько серьезный документ отправлен Паскевичу и какую опасность для его недавно возникшего предприятия может представлять будущая Компания, когда деятельность ее станет реальностью. Осенью 1828 года, когда Грибоедов находился в Персии, он сделал попытку защитить свое начинание встречными действиями.

Последнее сохранившееся письмо писателя английскому посланнику в Персии Дж. Макдональду от 6 января 1829 года из Тегерана содержит сообщение о его недовольстве действиями английского инженера Монтейна, который вместе с Кастелло разрабатывал совместный экономический проект, направленный против грибоедовского Проекта РЗК. Текст этого проекта был обнаружен в бумагах уже покойного Кастелло, который умер 19 ноября 1828 года. Грибоедов получил о том известие в Тегеране и понял, что Кастелло готовился к конкурентной борьбе с его будущей Компанией, привлекая на помощь немалую силу в лице сотрудника английской миссии.¹⁹

30 января 1829 года Грибоедов погиб в Тегеране при разгроме русской миссии. Весной 1831 года Завелейский сделал попытку осуществить хотя бы частично замысел Проекта РЗК, но она не удалась. А фабрика Кастелло просуществовала до 1840 года как учебное предприятие, готовившее мастеров для шелкомотальных заведений в раз-

¹⁹ Там же. С. 304.

ных районах Закавказья. И кто знает, останься живы оба автора тифлиских экономических проектов, не привело ли бы их соперничество (или соревнование) к началу развития промышленности в Грузии еще в первой половине XIX века?

Как часто бывает в литературоведческих исследованиях, обнаружение новых фактов в жизни писателя и в истории его произведений влечет за собой и новые вопросы, общие и частные. Ведь даже соотнесение Проекта РЗК с единственным только явлением современной Грибоедову экономической жизни Грузии уже открывает перспективу возможных поисков. Тем более что далеко не все документы, касающиеся жизни Грузии конца 1820-х годов и пребывания Грибоедова в персидской миссии в Табризе, изучены или даже известны. А так называемый английский след в истории гибели Грибоедова обретает в связи с Кастелло и его альянсом с англичанином Монтейном еще один штрих. Ведь развившаяся Закавказская компания стала бы серьезным конкурентом английской торговле в Персии. И это могло сильно настаивать англичан при их знакомстве с планами Грибоедова о ее создании и служить своего рода катализатором нового витка их враждебности к нему. Что также могло влиять и на растущее недоброжелательство по отношению к Грибоедову со стороны правительства Шаха в январе 1829 года.

Что же касается самого Проекта РЗК, он продолжает оставаться самым непроясненным местом в творческой биографии Грибоедова. Обращение писателя к экономической проблематике и создание Проекта, несомненно, было связано с глубокими личными процессами последних лет его жизни, возможно даже, с творческим кризисом, понятие о котором дают его письма С. Н. Бегичеву летом 1825 года.²⁰ Ведь после 1824 года ни один из замыслов задуманных им новых произведений не был осуществлен (но эта проблема выходит далеко за рамки предлагаемой статьи).

Гораздо очевиднее, что Проект мог быть связан с обдумыванием своего будущего, возможными поисками нового поля деятельности, достаточно широкого и полезного. Ведь известно, что назначение послом в Персию и перспектива службы в этом качестве тяготили писателя, а о его планах, уволившись от службы, поселиться в Грузии сохранились свидетельства современников.

Между тем интерес к Проекту РЗК, нельзя сказать чтоб очень глубокий, но все же проявляется в последние десятилетия, когда возросло внимание к фигуре Грибоедова-деятеля, а не только литератора, как пример деяния, соответствующего масштабу его личности. Но реализуется он пока, надо признать, в рамках исключительно экономических, никак не затрагивая общие проблемы развития творчества писателя.

²⁰ Там же. С. 97–99.

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-3-159-162

© П. Р. Заборов

Э. РЕНАН И ЕГО РУССКИЕ ЗНАКОМСТВА (ПО РУКОПИСНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Эрнест-Жозеф Ренан (Ernest-Joseph Renan, 1823–1892) — выдающийся французский филолог, историк религии, философ, писатель и публицист, разнообразная творческая деятельность которого оставила заметный след в европейском умственном движении и культурной жизни второй половины XIX века.

Первоначальное образование Ренан получил в различных католических семинариях и готовился стать священником, но в 1845 году совершенно и навсегда порвал с клиром и решил всецело посвятить себя науке. На первых порах это была философия,

Надежда Александровна Тархова

независимый исследователь

Nadezhda Aleksandrovna Tarkhova

Independent Researcher

speranza09@yandex.ru

**ПРОМЫШЛЕННАЯ КОМПАНИЯ КАСТЕЛЛО В ТИФЛИСЕ
(К ИСТОРИИ ПРОЕКТА РОССИЙСКОЙ ЗАКАВКАЗСКОЙ КОМПАНИИ
А. С. ГРИБОЕДОВА И П. Д. ЗАВЕЛЕЙСКОГО)**

**CASTELLO INDUSTRIAL COMPANY IN TIFLIS (RESEARCHING
THE HISTORY OF A. S. GRIBOYEDOV AND P. D. ZAVELEYSKY PROJECT
OF THE RUSSIAN TRANSCAUCASIAN COMPANY)**

Статья посвящена малоизвестному факту создания в Тифлисе в середине 1820-х годов французским подданным Кастелло шелкомотальной фабрики, которая на протяжении пятнадцати лет (до 1840 года) была единственным действующим и развивающимся предприятием, поддержанным правительством и местными властями. Почти одновременное появление в Грузии проектов двух экономических компаний (А. С. Грибоедова и Кастелло, одна из которых успешно осуществилась), многие тематические совпадения, обнаружившиеся при сравнении их текстов, породили идею проследить по документам деятельность Кастелло в Тифлисе и выявить возможные точки соприкосновения его с Грибоедовым. Возможно, реализация Кастелло своего проекта, деятельность его в Тифлисе на глазах Грибоедова (в 1826 и 1827 году) могли послужить импульсом при обдумывании и написании им своего экономического проекта.

Ключевые слова: А. С. Грибоедов, предприниматель Кастелло, «Проект Российской Закавказской компании», шелкомотальное предприятие Кастелло, хозяйственная жизнь Грузии, соперничество проектов.

The article deals with the obscure fact of a French citizen Castello establishing a silk-reeling factory in Tiflis in the mid-1820s; for fifteen years (until 1840) it was the only functioning and developing factory, supported by the government and the local authorities. The all but simultaneous emergence of the projects of two economic companies in Georgia (by A. S. Griboyedov and Castello, with only one of them reaching fruition), numerous thematic concurrences in the texts encouraged us to trace documentarily Castello's activities in Tiflis, in order to discover the possible touch points with Griboyedov. It seems possible that the success of Castello's project and his business activities witnessed by Griboyedov (in 1826 and 1827) prompted the latter to consider and put to paper his own economic project.

Key words: A. S. Griboyedov, businessman Castello, *Project of the Russian Transcaucasian Company*, Castello's silk-reeling factory, Georgian industrial life, competing projects.

Список литературы

1. Бурнашев В. П. Воспоминания петербургского старожила: В 2 т. / Сост., автор предисловия, комм. и аннотированного указ. имен А. И. Рейтблат. М., 2022. Т. 1.
2. Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб., 2006. Т. 3. Письма. Документы. Служебные бумаги.
3. Кальма Н. Коммерческие замыслы Грибоедова // Лит. наследство. 1935. Т. 19–21.

References

1. Burnashev V. P. Vospominaniia peterburgskogo starozhila: V 2 t. / Sost., avtor predislovia, komm. i annotirovannogo ukaz. imen A. I. Reitblat. M., 2022. T. 1.
2. Griboedov A. S. Poln. sobr. soch.: V 3 t. SPb., 2006. T. 3. Pis'ma. Dokumenty. Sluzhebnye bumagi.
3. Kal'ma N. Kommercheskie zamysly Griboedova // Lit. nasledstvo. 1935. T. 19–21.